

А. А. ДОЛИНИНА

ГОГОЛЬ В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Гоголь был одним из первых русских писателей, чьи произведения были переведены на арабский язык. Известно, что первые переводы с русского языка — если не считать перевода басен Крылова, который вышел в 1867 г. в Лондоне и арабскому читателю был мало известен, — появляются в арабских странах на рубеже XIX—XX вв.,¹ когда, как отмечает И. Ю. Крачковский, «в Палестине и Сирии образовалась дружная группа переводчиков непосредственно с русского».² Эта группа переводчиков состояла из бывших питомцев учительских семинарий, основанных «Русским Палестинским обществом». Некоторые из них издавали журналы, в которых систематически помещали произведения русских писателей, иногда впоследствии выпуская их отдельными книжками.

Один из таких деятельных переводчиков — Халиль Бейдас — в 1898 г. перевел «Капитанскую дочку» Пушкина, а вслед за этим, около 1900 г., повесть Гоголя «Тарас Бульба», которая была напечатана в журнале «Лубнán» («Ливан»). Х. Бейдас окончил Назаретскую семинарию; он, очевидно, удовлетворительно знал русский язык и литературу и мог хорошо понять «Тараса Бульбу», увлечься пафосом борьбы против чужеземных угнетателей, патриотическими идеями, которыми проникнута гоголевская повесть, т. е. как раз тем, что больше всего привлекает прогрессивных арабских писателей, обращающихся к русской литературе.

К сожалению, мы не можем ничего больше сказать об этом переводе, так как он остался для нас недоступным. О нем лишь упоминает И. Ю. Крачковский в своей статье «Русские писатели в арабской литературе»;³ — можно предположить,

¹ О них см. статьи И. Ю. Крачковский. Ризкаллах Хассун, переводчик басен Крылова на арабский язык. Восточный сборник. Л., 1928, стр. 23—26. — Его же. Арабские переводы басен Крылова. Библиографические листы Русского библиологич. общ., т. 1, 1922.

² И. Ю. Крачковский. Чехов в арабской литературе. Изв. АН СССР, Отд. литературы и языка, III, 1944, вып. 5, стр. 205.

³ Вестник иностранной литературы, 1910, № 12, стр. 40.

что он познакомился с этим переводом во время своего путешествия по Востоку.¹

В дальнейшем мы встретим в арабской литературе имя Гоголя уже в 1937 г., когда в египетском журнале «Аль-Мукта-гаф» (в майском номере) был напечатан перевод одной из его Петербургских повестей — «Шинель»; известно, что этот же перевод был впоследствии включен в сборник «Маукиб-аль-хайât» («Шествие жизни»).

В 1946 г. «Шинель» была переведена вновь, на этот раз — в Ираке. Рассказ этот вошел в сборник «Четыре рассказа из мировой литературы», выпущенный багдадским издательством «Аль-Баас» («Возрождение»). В предисловии к указанному сборнику упоминается, между прочим, о том, что в этом (т. е. 1946) году на багдадской сцене была поставлена комедия Гоголя «Ревизор», в исполнении артистической труппы «Египетский авангард» (очевидно, гастролировавшей в Ираке). Можно предположить, что и перевод «Ревизора», и постановка его были новыми, созданными не ранее 1944—45 г., потому что еще в начале 1944 г. художественный руководитель Египетского театрально-музыкального объединения Зéки Тулеймât, говоря в одной из своих статей о постановках произведений русских писателей на египетской сцене, упоминает лишь «Воскресение» и «Анну Каренину» Толстого и «Преступление и наказание» Достоевского, о «Ревизоре» же не говорит ни слова. Несомненно, что перевод и постановка комедии именно в этот период, так же как и появление нового перевода «Шинели», связаны с общим ростом интереса и симпатий к СССР, к русской классической и советской литературе в годы побед советского народа в Великой Отечественной войне против фашизма. К сожалению, ни о переводе «Ревизора», ни о постановке его нам ничего более не известно.

Таким образом, в руках у нас оказались только два перевода повести «Шинель», сделанные в разное время, в разных местах, разными переводчиками — и сами по себе очень мало похожие друг на друга.

Первый перевод, как уже упоминалось, был напечатан в Египте в мае 1937 г., т. е. вскоре после того, как Англия, стремясь «узаконить» оккупацию Египта, превратить его в свой военный плацдарм, навязала Египту неравноправный договор о союзе; в стране начинались реакция, временный

¹ Не упоминается этот перевод также и в библиографическом перечне Юсуфа Ас'ада Дагера «Русская новелла в арабской литературе», где сведены данные об арабских переводах 35 русских писателей, ярко характеризующие роль русской литературы в странах арабского Востока (см. сообщение И. Ю. Крачковского «Новая арабская работа по русской литературе» — Вестник Академии Наук, 1948, № 7, стр. 89—90).

спад национально-освободительной борьбы; укреплялись позиции британского империализма, поддерживаемого верхушкой национальной египетской буржуазии.

Второй перевод — багдадский — вышел в 1946 г., вскоре после окончания второй мировой — антифашистской — войны. в период подъема национально-освободительного движения во всех странах Востока, когда взоры всего прогрессивного человечества были обращены к советскому народу — народу-освободителю. И мы вряд ли ошибемся, если скажем, что на отношении к творчеству Гоголя отразились особенности этих двух различных периодов в истории стран Арабского Востока и что это сказалось и на характере обоих переводов «Шинели».

Первый перевод (1937 г.) был напечатан в каирском журнале «Аль-Муктатаф» («Сборник»), основанном еще в 1876 г. известным египетским писателем Якубом Сарруфом. Журнал этот считался независимым научно-литературным журналом, но за время английской оккупации он все больше и больше подпадал под английское влияние. Этим объясняется то, что материалы о Советском Союзе или о русской литературе появляются в нем не часто и в большинстве своем не отличаются ни правдивостью, ни точностью.

Перевод гоголевской повести не имеет никакой видимой связи с остальным содержанием номера, в котором он напечатан. Здесь мы найдем статьи естественно-научного характера (о витаминах, о вирусных инфекциях и др.), статьи исторические и историко-литературные (о налоговой системе в исламе, о глиняной посуде эпохи Фатымидов, о знаменитом омейядском поэте Омаре Ибн Абу Райа) и т. д.

Однако самое яркое представление о направлении журнала в этот период — период реакции конца 30-х годов — дают философские статьи, помещенные в упомянутом номере. Автор первой из них — «Духовное и материальное в новой философии» — изо всех сил стремится «примирить» материализм с идеализмом, найти какое-то удобное «среднее» и в конце статьи горько сожалеет о египетских писателях-материалистах (только м а т е р и а л и с т а х, не идеалистах), которые якобы не находят «верного» пути, т. е., в сущности, проповедует идеализм. За этой статьей следует другая — «Влияние Ницше в наше время», восхваляющая его реакционную философию. И буквально на следующей же странице помещен перевод «Шинели». Ницшеанская философия и гоголевская «Шинель» поистине «две вещи несовместные». И понять возможность их столь близкого соседства в журнале можно лишь после детального разбора того, как сделан этот перевод.

Переводчик рассказа Камиль Махмуд Халиб, один из сотрудников «Аль-Муктатафа», мало известен в египетской

литературе. Можно предположить, что русского языка он не знал и что оригиналом для него служил какой-нибудь из английских или французских переводов гоголевской повести. Впрочем, прямых указаний по этому поводу в тексте не дано. Перевод не снабжен каким-либо предисловием или пояснением. После заглавия стоит лишь подзаголовок — «Из русской литературы», имя автора — «известный писатель Н. В. Гоголь» и указаны даты его жизни: 1809—1852 г. Заглавие повести передано приблизительно, — словом, обозначающим «плащ», «верхнее платье без рукавов»,¹ а после него переводчик поставил восклицательный знак, вероятно для возбуждения внимания публики, т. е. с заглавия начал «поправлять» Гоголя; чем дальше, тем больше мы убеждаемся в том, что перевод Камиля Хабйба очень далек от подлинника.

Белинский считал самой характерной и яркой особенностью галанта Гоголя умение «тесно слить трагический элемент с комическим». «Присутствие трагического элемента сильно чувствуется и в комической, повидимому, повести „Шинель“, в лице и судьбе смешного и жалкого Акакия Акакиевича».² В переводе же из повести исчезает главное — именно этот трагизм, протест против унижения человеческой личности, сочувствие к «маленькому человеку».

Гоголь уже в самом начале повести определяет свое отношение к этому «маленькому человеку» — своему герою: «Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно, натрунили и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться» (АН, IV, 141—142). Гоголь, таким образом, прямо хочет сказать, что он не будет следовать этому «похвальному обыкновению», а отнесется к «вечному титулярному советнику» по-человечески. Переводчик же попросту опускает эту фразу, столь важную для понимания основного замысла повести; кроме того, из перевода исчезает и брошенное мимоходом, но меткое саркастическое замечание Гоголя о тогдашних порядках на Руси: «ибо у нас прежде всего нужно объявить чин».

Этот первый пропуск определяет и многие дальнейшие изменения в переводе: большинство их касается именно тех мест, где ярче всего проявляется гуманизм Гоголя. Так, изображая своего героя, Гоголь говорит о тех издевательствах, которые терпит он от молодых чиновников: здесь-то и появляется тот трагический элемент, о котором говорит Белин-

¹ «Аль-мй'таф»

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XIII. стр. 222.

ский — в описании слов, голоса Акакия Акакиевича, в рассказе о молодом человеке, перед которым от голоса этого «как будто все переменялось... и показалось в другом виде», и который понял, «как много в человеке бесчеловечья» (АН V, 144). А в переводе вместо всего этого сказана лишь мимоходом одна фраза: «Звук его слов вызывал в душе одновременно боль, жалость и сочувствие» — и таким образом утеряно одно из самых главных трагических мест «Шинели».

Далее в повести Гоголь возвышает своего героя до протеста — хоть и в бреду — против богатых и сильных мира сего: он «сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, от роду не слышав от него ничего подобного, тем более, что слова эти следовали непосредственно за словом „ваше превосходительство“» (АН, V, 168).

В переводе же весь бред Акакия Акакиевича передан следующим образом: «Шинель... Господин начальник... Петрович... Шинель» — и только, т. е. переводчик опять теряет или сознательно опускает нечто важное для раскрытия отношения автора к своему герою.

Лирическую тираду о Башмачкине («И Петербург остался без Акакия Акакиевича...» и т. д.) — грустные, проникновенные слова Гоголя о «существо, никем не защищенном, никому не дорогом, ни для кого не интересном» (АН, V, 169), Камиль Хабіб переводит лишь следующей фразой: «Закрылась страница жизни Акакия Акакиевича, и никто в Санкт-Петербурге не почувствовал этого». Остается, следовательно, только обрывок мысли Гоголя, и снова ускользает главное — глубокое сочувствие автора к своему жалкому герою, еще одно подтверждение того, что и он человек, как все люди, малые и великие, «для которого все же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь», и на которого «так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира...» (АН, V, 169).

Изменен и конец истории «значительного лица». В тексте Гоголя рассказано, что случай с Акакием Акакиевичем пробудил даже у этого «лица» более мягкое и терпимое отношение к человеку: «Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчиненным. «как вы смеете, понимаете ли, кто перед вами», если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело» (АН, V, 173). Такой конец истории подкрепляет основную мысль повести. В переводе же «значительное лицо» неожиданно помешалось в уме: «Важный начальник забылся и

стал бредить: „Как вы смеете, знаете ли вы, понимаете ли, кто перед вами?“ И семья его удивлялась тому, что слышала».

Так, в указанном арабском переводе исчезают «невидимые миру слезы» Гоголя, остается один смех. Но и здесь далеко не все сохранено переводчиком; гоголевский юмор часто оказывается недоступным ему, и это приводит к тому, что он безжалостно выбрасывает из повести целые страницы. Исчезает из перевода и замечательная история о том, как выбирал имя Акакию Акакиевичу — безжалостная насмешка над религиозными предрассудками; исчезает и неуч-доктор, который, «пощупавши пульс, ничего не нашелся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины, а впрочем тут же объявил ему через полтора суток неперемный капут» (АН, V, 168), а от характеристики бывшего крепостного, портного Петровича, и его жены, остаются лишь две строки: «Он был кривой, дурного характера [последнего, впрочем, у Гоголя нет. — А. Д.]; работа давала ему незначительный доход, потому что он чинил многочисленные панталоны бедных чиновников и их детей, а при этом был пьяницей и пил по воскресеньям и в праздничные дни до потери сознания».

Значительные изменения претерпевают также и те места повести, где Гоголь издевается над чиновничьей, бюрократической, царской Россией, и это тем более досадно, что насмешка эта могла иметь не только местный «русский», но и более широкий смысл.

Обратимся к самому началу повести («В департаменте...» и т. д. до появления Акакия Акакиевича) — к рассуждению о том, что «нет ничего сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий» и истории о некоем капитане-исправнике. В переводе этого начала попросту нет, повесть начинается прямо с описания героя: «Он — незначительный чиновник в одной из правительственных канцелярий...» и т. д.

Таким образом мы видим, что переводчик не только опустил те слова, которые характеризуют отношение Гоголя к самому Акакию Акакиевичу — на что было указано выше, — он пропускает в переводе и то место, где Гоголь с первых же строк определяет свое отношение к той среде, в которую помещает героя повести. В этом смысле интересен и перевод страниц «Шинели», посвященных «значительному лицу», к которому Акакий Акакиевич обратился за помощью. Относительно этого чиновника Гоголь иронически замечает: «Какая именно и в чем состояла должность *значительного лица*, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно *значительное лицо* недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем место

его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное» (АН, V, 164).

Камиль Хабиб переводит это место так: «Это один из знатных людей города, имя которого мы не можем назвать и должность которого мы не можем указать. Мы можем сказать только, что он занимал высокий государственный пост». И в соответствии с таким «возвышением» «значительного лица» переводчик опускает и следующую, например, характерную подробность: у Гоголя «значительное лицо» обращается к Акакию Акакиевичу «голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина». (АН, V, 166).

В результате подобных изменений «значительное лицо» оказывается и в действительности крупным, «значительным» лицом в государстве, т. е. все говорится о нем всерьез, без всякой иронии, и имя и должность его не называется, может быть, лишь из почтения к нему?

Описание бюрократической волокиты в канцелярии этого чиновника («чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло все порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже таким образом доходило дело до него» (АН, V, 164) передано в переводе следующей фразой: «Он не разрешал, чтоб обиженный надоедал ему в его кабинете, или чтоб подавал жалобу без посредника». Тут исчезает «строжайший порядок» должностей, — то что как раз и создавало комический эффект. Конечно, название всех этих должностей нельзя перевести на арабский язык, однако переводчик и не пытается заменить их подходящими арабскими названиями, которые произвели бы на читателя соответствующее впечатление — он просто опускает их. Комизм, насмешка почти исчезают. Тут же переводчик пропускает и рассказ о титулярном советнике, сделанном правителем небольшой канцелярии — сценку, которая ярко, в комическом плане, характеризует все те же бюрократические порядки. Так в переводе ослаблена и эта — сатирическая — линия повести.

Необходимо обратить внимание и на конец повести. В переводе «Шинель» кончается так: «Привидение же пропало и больше не отнимало у людей шинели», т. е. переводчик опускает гоголевский конец — историю о виденном коломенским будочником привидении с преогромными усами и здоровенными кулаками (совсем уже реальное лицо), конец, который пол-

ностью снимает с повести всякую мистическую окраску. В переводе же эта мистическая окраска сохраняется и как бы еще подчеркивается упомянутым выше сумасшествием «значительного лица». И это все еще более затуманивает реальный, человеческий смысл повести.

Подробно останавливаться на том, как переданы особенности стиля Гоголя, едва ли имеет смысл, потому что, строго говоря, перевод Кáмиля Хабíба является не столько переводом, в полном смысле этого слова, сколько вариацией на тему повести Гоголя, сохранившей только ее сюжетный остов, и то не весь.

Здесь «Шинель» — «одно из глубочайших созданий Гоголя», по оценке Белинского,¹ — превращена в обыкновенную анекдотическую историю о смешном чиновнике, украденной шинели и привидении, а сам автор ее — в одного из «разных писателей», имеющих «похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться», — писателей, против которых он сам выступает в начале повести.

Нам до сих пор не удалось установить, каким европейским переводом «Шинели» пользовался Кáмиль Хабíб; быть может, изменения, встреченные нами в арабском тексте повести, — или, по крайней мере, часть их, — восходят именно к этому переводу. Так или иначе, в 30-х годах «Шинель» Гоголя входит в арабскую литературу в искаженном виде, потеряв самое основное — свой гуманистический характер. И, разумеется, в таком переводе, превращенная в смешной анекдот для развлечения публики, «Шинель» могла оказаться в журнале рядом с хвалебной статьей о Ницше.

Совсем иные задачи ставит перед собой иракский переводчик «Шинели» А́мир Абн аль-А́х. Как уже упоминалось, перевод этот был выпущен прогрессивным багдадским издательством «Аль-Ба́ас». О целях этого издательства можно судить по девизу на обложке книги: «За национальную свободу, за демократическую жизнь». Этой цели подчинены все издания, которые выпускает «Аль-Ба́ас». В списке книг, изданных до 1946 г., мы встретим такие названия, как «Национально-освободительная борьба в Сирии и Ливане», «Средневосточная нефть», «К чему стремится Индия»; книги, разоблачающие зверства фашизма — «В немецких концентрационных лагерях», «Бадольо после Муссолини», переводы с русского — «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталина, сборник «Сталинград мстит» и др. Книги эти пользуются популярностью: отделения издательства „Аль-Ба́ас“, как указано в рекламе на обложке, существуют в ряде

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 325.

книжных магазинов не только в других городах Ирака (Басре, Мосуле и т. д.), но и в Египте, Палестине, Ливане.

Сборник, в котором помещена «Шинель», содержит, кроме нее, еще три рассказа — «Корней Васильев» Л. Н. Толстого, «В степи» А. М. Горького и «Болото» А. И. Куприна. Книга

снабжена предисловием Абд-аль-Джаббара Вахби, первая часть которого излагает взгляды автора и, очевидно, всех деятелей издательства — на роль и задачи литературы; вторая часть содержит краткие биографические сведения о писателях, чьи произведения помещены в сборнике. Первая часть предисловия делает ясными те мотивы, по которым были выбраны произведения для перевода, в частности повесть Гоголя «Шинель». Составители сборника говорят о роли литературы, искусства рассказа для народа: «Народы, которые движутся вперед, всегда нуждаются в писателях-мастерах рассказа, обращающих взоры масс к постижению тех животрепещущих истин, на которых зиждется их безопасность и счастье». Такое понимание роли искусства влечет за собой резкое осуждение реакционной теории «искусства для искусства».

«Лозунги „искусство для искусства“, „наука ради науки“ и „добродетель ради добродетели“, — пишет Абд-аль-Джаббар Вахби, — делают из человеческой жизни мертвое тело с перерезанными суставами — то, что отклонит и отвергнет любой сознательный человек. Этот лозунг косвенным путем служит силам зла, жестокости и угнетения, уводя художника и ученого с арены борьбы за правду, призывает к примирению и нейтралитету. Но тот, кто мирится со злом, безусловно служит ему». И дальше:

«Если искусство исходит из того принципа, что оно не должно обращать внимание ни на что, кроме самого себя, то оно тем самым теряет свою ценность, губит свое значение. Эти слова крайне верны по отношению к большинству пустых, фальшивых рассказов, которые, если и доказывают что-нибудь, то лишь одно: то, что и буржуазное общество, и буржуазная культура достигли предела распада и разложения». В соответствии с этим излагаются и взгляды на задачи писателя: «Истинный художник не тот, кто знает, „как“ писать и только; нет, истинным художником является тот, кто знает, „как и что“ следует писать. Настоящий художник не творит для одного лишь искусства, нет, — для искусства и блага людей, блага общества, блага родины, блага всего человечества. Этим духом были проникнуты произведения великих художников, и поэтому они были правдивыми, смелыми, благородными. . . Мы хотим, чтоб этим же духом были проникнуты произведения наших писателей и литераторов».

Основываясь на принципе единства формы и содержания в литературном произведении, автор предисловия подчеркивает также важность совершенства художественной формы произведения:

«Рассказ может иметь серьезную тему и весьма важные выводы, однако серьезность темы еще не делает из него художественного произведения; за это несет ответственность только художественная форма. На эту истину обязательно должна обратить внимание молодежь, стремящаяся к выступлению на литературном поприще. Молодежь должна развивать свои литературные способности, а это достигается лишь чтением и хорошим пониманием лучших рассказов и раскрытием тайны их художественных достоинств и красоты, а также — вниманием к мнению опытных критиков».

Определив таким образом задачи писателя, цели художественного произведения, Абд-аль-Джаббар Вахби отмечает, что всем изложенным выше требованиям отвечает русская литература, в частности те рассказы, которые помещены в сборнике:

«Рассказы, которые мы предлагаем читателю, являются, по нашему утверждению, первым образцом, с которым нужно сравнивать и которому нужно следовать».

В другом месте предисловия, раскрывая «тайну успеха» русского рассказа, Вахби пишет, что причины этого успеха «восходят к его глубокой связи с жизнью народа и его реалистическому характеру, простому и правдивому».

Итак, теперь «Шинель» — т. е. один из напечатанных в сборнике рассказов — справедливо оценивается как произведение высоко художественное, реалистическое, народное. В специальной же главе предисловия, посвященной Гоголю, автор подчеркивает роль Гоголя, как одного из первых представителей русского реализма, и, приводя известную фразу о «натуральной школе», приписываемую французским критиком М. Вогюэ Ф. М. Достоевскому, — фразу о том, что «все мы вышли из „Шинели“ Гоголя», — подчеркивает и особое значение «Шинели», как чуть ли не первого реалистического произведения в русской литературе. И, естественно, раз на «Шинели» училась передовая русская литература, то, в соответствии с высказанными выше требованиями, и молодым арабским писателям следует учиться на ней.

По словам Вахби, автора предисловия, повесть эта «правдиво изображает, что претерпевал русский чиновник в бюрократическое царское время, которое описывает Гоголь в этом рассказе. Герой „Шинели“ — простой чиновник — не только теряет свое достоинство из-за произвола и самоуправства вла-

стей, он теряет всякое сознание того, что он — человеческая личность».

Так, теперь иракский издатель и переводчик видят основной смысл «Шинели» именно в том, чего не хотел заметить в 1937 г. египетский переводчик — в протесте против угнетения, унижения человеческой личности. А каким актуальным является этот вопрос для народа арабских стран, борющегося за свою независимость!

Собственно биографические сведения о Гоголе, приводимые в предисловии, очень скудны. Немного говорится об его семье — о домашнем театре и украинских комедиях отца, о матери, которая «была ему лучшей помощницей, потому что всегда давала ему нужные сведения о традициях и обычаях украинского народа, о подробностях его жизни». Заметим, что, выбирая именно эти сведения, автор предисловия, возможно, хотел лишний раз подчеркнуть народный характер творчества Гоголя.

К этим сведениям добавлены следующие: «Гоголь изучал право,¹ но никогда не работал в этой области. Некоторое время он служил на государственной службе, потом занялся обучением детей петербургских богачей (речь идет, очевидно, о том периоде, когда Гоголь преподавал в патриотическом институте и, по рекомендации Плетнева, давал частные уроки в богатых петербургских семьях. — А. Д.); одно время занимал должность профессора истории» (имеется в виду его профессорская деятельность в Петербургском Университете — А. Д.).

На этом кончаются все биографические сведения о Гоголе — как видим, достаточно поверхностные. Впрочем, автор предисловия заранее оговаривается, что о писателях, чьи биографии он приводит, «известно больше, чем мы сообщаем в предисловии, но и эти краткие заметки, которые мы предлагаем, не будут для читателя совершенно бесполезными». Это заявление, безусловно, справедливо, особенно, когда дело касается таких сравнительно мало известных в арабских странах писателей, как, скажем, Гоголь или Куприн (чей рассказ и биография также помещены в сборнике), — насколько мы знаем, в арабской литературе более подробных биографий этих писателей нет,² и можно лишь надеяться, что они появятся в будущем.

¹ Здесь, очевидно, имеется в виду учение Гоголя в Нежинской гимназии высших наук, где «в программе высшего, третьего отделения... значительное место занимали политические, в особенности юридические науки». (Д. И о ф а н о в. Н. В. Гоголь, Изд. АН УССР, Киев, 1951, стр. 135).

² Например, в арабской энциклопедии, издававшейся в конце прошлого века ливанским просветителем Бутрусом аль-Бустани, в статье о русской литературе имя Гоголя лишь упомянуто.

Обратимся теперь к самому переводу «Шинели». Поскольку новый переводчик ее, Амир Абдаллах, преследовал совершенно иные цели, чем упомянутый выше Камиль Хабиб, то и перевод его носит совершенно иной характер. Серьезный подход переводчика к литературным явлениям, его любовь и уважение к русской литературе обусловили, во-первых, бережное отношение к тексту Гоголя, стремление по возможности приблизить свой перевод к подлиннику. Амир Абдаллах переводит повесть полностью, без каких бы то ни было существенных пропусков, изменений или добавлений; более того, он все время старается разъяснить — в подстрочных примечаниях — те слова, которые могут оказаться чуждыми, непонятными для арабского читателя. Обычно он подыскивает для этих слов арабские термины, более или менее точно выражающие нужное понятие, но, не будучи совершенно уверенным в их полном соответствии, объясняет их — или описательно, или подбирая подходящие английские термины.

Так, например, слово «перекрестился», передано по-арабски выражением не новым,¹ но, очевидно, малоупотребительным (особенно в Ираке, где христиан немного), и поэтому переводчик счел нужным объяснить его в примечании следующим образом: «описал знак креста на груди». Или для понятия «нюхательный табак» употреблено существующее арабское слово,² которое само по себе именно это и значит, но опять-таки, возможно, по причине своей малой распространенности, потребовало подстрочного объяснения: «порошок, употребляемый для того, чтобы вызывать чихание». А такое выражение, как «вечный титулярный советник» передано калькой,³ причем в примечании дана английская калька же: *Perpetual Titulor Councillor*. Или, не зная, как перевести слово «калоши»

(вещь в арабских странах неупотребительная), Амир-Абдаллах заменяет их в тексте словом: «сапоги» или «обувь»,⁴ а под строкой дает примечание: «*Goloshes*, т. е. наружная уличная обувь». Слово «извозчики» переведено, как: «владельцы экипажей»,⁵ а в примечании приводится русское слово, но в английской форме — *Isvoschicks*, с добавлением: «русское понятие, которое мы дали в тексте в разъясненном виде».

Наличие подобных примечаний указывает на добросовестность переводчика, его серьезный взгляд на свои задачи. вни-

¹ Аслаба нафсаху.

² Нушук.

³ Аль-мусташар аль-йсми ад-данни.

⁴ Аль-ахзия.

⁵ Асхаб аль-маркабат.

мательное отношение к тексту, стремление как можно точнее передать на родном языке ту повесть, которую он считал одним из первых и лучших образцов реалистического произведения.

Конечно, и перевод Амира Абдаллаха нельзя считать безукоризненным. Правда, переводчик всюду следует за текстом, он не пропускает ни одной фразы и почти ничего не добавляет от себя, но, к сожалению, он не всегда правильно понимает то, что переводит.

Очевидно, в результате именно такого неполного понимания текста, а не сознательного искажения, в переводе появилось, например, следующее недоразумение. Гоголь, рассказывая о том, какое впечатление произвела пропаша шинели Акакия Акакиевича на чиновников, говорит: «Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую безделицу, потому что чиновники и без того уж много истратили, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак, сумма оказалась самая бездельная» (АН, V, 163).

В переводе же это место звучит так: «Они решили, наконец, собрать средства на покупку новой шинели, однако, сумма, которую собрали, была незначительной, потому что расходы, которым подвергались карманы этих чиновников, были велики. Начальник, например, не мог внести ничего, кроме картины и рукописи».

Следует сказать, что таких пеленых и явных недоразумений очень немного. Хуже обстоит дело с передачей тонкостей текста, особенностей стиля. Их переводчик замечает не всегда, и это порой очень обедняет перевод по сравнению с гоголевским текстом.

Так, например, в начале повести Гоголь описывает своего героя следующим образом: «...чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморридальным» (АН, V, 141).

В переводе же этот отрывок звучит так: «Его положение не заслуживало никакого внимания: он был мал ростом, рыжеволос, слаб зрением, с небольшой лысиной на макушке, с лицом очень морщинистым, особенно на щеках, несколько тронутым оспой... По своему общему виду он походил на человека, страдающего геморроем».

Описание внешности Акакия Акакиевича у Гоголя построено так, что подчеркивает обыкновенность, незначительность героя: он не просто «низкого роста», но «низенького», а все

черты его как бы смазанные, неопределенные — «несколько рябоват, несколько рыжеват» и т. д. В арабском же тексте пропадает именно эта неопределенность черт героя, теряются оттенки. Правда, в арабском языке нет суффиксов, выражающих неполноту качества (рыжеват, рябоват и т. д.), но переводчик опускает и такое важное здесь слово, как «несколько» (оставляя его только в одном случае — «несколько тронутый оспой»), — слово, которое, безусловно, сохранило бы в какой-то мере этот оттенок неопределенности, незначительности; для обозначения роста Акакия Акакиевича употреблено также прилагательное в обычной, а не уменьшительной форме (как у Гоголя); далее в описании его внешности появляется определенный, даже усиленный признак — *очень морщинистый*.

Дальше, рассказывая о том же Акакии Акакиевиче, об отношении к нему в департаменте, Гоголь говорит: «Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»» (АН, V, 143).

Амир Абдаллах опускает в переводе слова «мешая заниматься своим делом», а это важно, потому что именно шутки, мешающие работе, должны были затрагивать Акакия Акакиевича больше всего: ведь переписка бумаг — его единственный интерес, единственная радость; вместо этого стоит: «так что он выходил из терпения и раздражался фразой: «Оставьте меня!» и т. д.

Опять слова, не соответствующие гоголевскому Акакию Акакиевичу: он ведь настолько прибит, что, пожалуй, и из терпения выйти не смеет, и совсем уж к нему не подходит глагол, означающий «взорваться, разразиться».¹

Из самой речи Акакия Акакиевича в переводе также исчезают те особенности, которыми наделил ее Гоголь, — которые как раз и свойственны человеку в высшей степени незначительному, безликому, т. е. нагромождение предлогов, наречий и таких частиц, которые, по словам Гоголя, «решительно не имеют никакого значения»; исчезает постоянное, растерянное «того», выражающее чуть ли не все оттенки настроения героя повести.

Таким образом, Акакий Акакиевич теряет в переводе некоторые свои характерные черточки, у переводчика как бы не все слова и выражения подчинены основному замыслу, не так, как у Гоголя. При подобном неточном понимании текста иногда может ускользать от переводчика иронический характер тех или иных замечаний Гоголя.

¹ Инфаджара.

Так, скажем, фраза: «ибо у нас прежде всего нужно объявить чин» (в первом переводе, как указано выше, вовсе опущенная) передана «миром Абдалла́хом так: «Нам необходимо, конечно, указать чин этой личности», т. е. нехватает этого «у нас», насмешливого намека на бюрократическую чиновничью Россию.

Или лукавое замечание о некой «Каролине Ивановне, даме, кажется немецкого происхождения, к которой он (т. е. «значительное лицо». — А. Д.) чувствовал совершенно приятельские отношения» (АН, V, 171) — замечание это звучит в переводе совсем по-другому: «Он видел в ней предмет своих заветных стремлений, был предан ей душой и дарил ей свою идеальную чистую дружбу». Т. е. переводчик как будто принимает замечание Гоголя всерьез, не видя в нем ничего комического.

Но даже при всех этих мелких отступлениях от текста, перевод Амира Абдалла́ха верно передает основные мысли и образы «Шинели» Гоголя. Этот перевод, благодаря серьезному взгляду Амира Абдалла́ха на свою задачу, стоит несравненно выше не только упомянутого перевода Камиля Хаби́ба, но и работ ряда других арабских переводчиков, считающих возможным вносить в перевод свои собственные рассуждения, поправки, добавления, — ибо культура перевода в арабских странах до сих пор еще очень низка.

На примере разобранных здесь переводов «Шинели» можно ясно различить два противоположных направления в переводах произведений русской литературы на арабский язык.

Переводчики, связанные с реакционными литературными кругами, черпающие материал для своих переводов из современных европейских источников,¹ не отражают в своих переводах произведений русской литературы главного — присущих ей идей гуманизма, патриотизма, борьбы за подлинную свободу и независимость человеческой личности. И благодаря им произведения некоторых русских писателей входят в арабскую литературу в искаженном виде.

Прогрессивные же арабские писатели стремятся обогатить свою родную литературу переводами лучших произведений русских классиков и советских писателей. Они видят в русской литературе образец литературы высоко идейной, реалистической, народной, создатели которой творили, говоря словами арабского переводчика «Шинели», «не для одного лишь искусства, нет — для искусства и блага людей, блага родины, блага всего человечества».

¹ Как, например, известный нам уже Камиль Хаби́б или переводчик Чехова и Тургенева Мухаммед ас-Сибáи, автор статьи о Пушкине в журнале «Аль-Муктатаф» Хали́м Митри и др.